

— — — 1938

В. О. Массалитинова

(Наброски к портрету)

Грузная человеческая туша вваливается в комнату, бухается в услужливо и почтительнейше пододвинутое кресло и, молча, переводит «дух». На версту пышет от нее не здоровьем, а здоровьищем — отвратительным, упитанным, умасленным «дыхом» бабей блудливой, обжорливой плоти.

«Пришла да села, как квашня», так говорит эта туша сама о себе, — и точнее не скажешь о ней. Надо долго вглядываться, чтобы заметить, что у этой «квашни» есть лицо, а на нем имеется все то, чему полагается быть на лице человеческом: глаза, нос, рот, губы.

Но нет: все это есть на «квашне», а лица человеческого все-таки нет. На этом, с позволения сказать, «лице» приметно одно неотвязчивое вожделение, ненасытное чревоугодие да острая злоба к тому, кто вознамерился бы нарушить свинье благополучие обладательницы этого, якобы, «лица» человеческого.

Манефа — эпизодическая роль из комедии Островского «На всякого мудреца довольно простоты», но В. О. Массалитинова вкладывает в эту роль так много острой наблюдательности, яркой характерности и злого сарказма, что эпизодическая роль превращается в историческую фигуру большого художественного веса и глубокого сатирического смысла.

В своей Манефе Массалитинова обобщила десятки и сотни подобных Манеф, вскормленных-вспоенных непроходимым невежеством исчезнувшего в 1917 году «Горodka Окурова» с его купеческими захолюстьями и мещанскими туликами.

Одну из благополучных обитательниц этого столь ненавистного Горькому «Горodka Окурова» Массалитинова изображает в роли Ненилы Сидоровны («В чужом пиру похмелье» Островского).

Ненила Сидоровна — в выпуклом и сочном изображении Массалитиновой — не просто глупая и темная купчиха от «Спаса в Наливках»: это своего рода профессор невежества, авторитет которого в Наливках, Лужниках, Садовниках и прочих областях «темного царства» велик и непобедим.

Если присоединить к Манефе и Нениле Сидоровне ряд других образов, созданных Массалитиновой, — Простакову («Недоросль»), Пошлепкину («Ревизор»), Кукушкину («Доходное место»), Коробочку («Мертвые души»), Балканиху («Растеряева улица»), Ефросинью Потаповну («Бесприданница») и др., — то перед нами пройдет целая вереница нелепых обитательниц разных углов и уголков необъятного «темного царства», описанного Фонвизиным, Гоголем, Островским, Глебом Успенским.

Массалитинова по своей художественной манере близка к таким обличителям «темного царства», какими были художники-передвижники: она не только живописует, но и обличает тех, кого изображает. Все, что она показывает со сцены, это—

сочный реалистический жанр, написанный крупными характерно-выпуклыми мазками, но каждый мазок (по крайней мере в лучших работах Массалитиновой), это — сатирический удар, наносимый прошлому.

Последний образ, созданный Массалитиновой не в театре, а в кино, переносит нас опять в темное царство глухого мещанства и слепого «приобретательства», но на этот раз мы входим туда со светлым лучом.

Этим лучом является образ бабушки в фильме «Детство» по повести А. М. Горького.

Образ бабушки овеван у Массалитиновой мягким теплом: он радует своей глубокой человечностью и переносит зрителя к таким прекрасным историческим образам, как Арина Родионовна—няня Пушкина. Под грубоватым внешним обликом «сквозит и тайно светит» большое и мудрое сердце, исполненное любовью к людям и природе.

Зрителя театра ожидают, что и им выпадет на долю радость увидеть в исполнении Массалитиновой светлый народный образ.

С. ДУРЫЛИН.

Нар. арт. РСФСР В. О. МАССАЛИТИНОВА в роли Пузатовой («В ЧУЖОМ ПИРУ ПОХМЕЛЬЕ»).

Синько